

Фан Цзычэнь негромко рассмеялся, глядя на смущение супруга. Чжао-гэр был до того простодушен и чист, что даже имея подрастающего сына, порой казался более невинным, чем сам Цзычэнь в его холостые годы.

Стоило лишь слегка коснуться его ноги под столом, как бедняга тут же залился краской.

«А если мы перейдем к чему-то более интимному, он что, взовьется костром или просто испарится?»

Чжао-гэр бросил на него возмущенный взгляд. Как бы сильно он ни любил мужа, проявлять подобные нежности в чужом доме было, по его мнению, верхом неприличия — не дай бог кто заметит. Он попытался отодвинуться, но нога Фан Цзычэня, точно преследующий его охотник, тут же последовала за ним, не желая разрывать контакт.

Даже через плотную ткань одежды Чжао-гэр чувствовал исходящий от него жар. Но Цзычэню этого было мало: он принялся легонько, едва ощутимо постукивать кончиками пальцев по его бедру. Эти мерные касания отзывались в самом сердце, заставляя всё тело неметь от сладкой истомы.

Вокруг сидели люди, и Чжао-гэр, желая утихомирить наглеца, попытался ущипнуть его, но стоило его руке опуститься вниз, как муж тут же перехватил её. Он нежно пощекотал ладонь супруга, вызывая у того волну мурашек. Сердце Чжао-гэра забилося так часто, что дыхание перехватило. От этого тайного, запретного возбуждения его мысли путались, и когда тётушка Лю обратилась к нему, он ответил невпопад, совершенно потеряв ориентацию в пространстве.

Фан Цзычэнь, видя, что супруг окончательно смущен, решил сжалиться над ним и сам ответил за него.

Тётушка Лю помнила, как Чжао-гэр обмолвился о вкусах мужа, и специально приготовила к ужину битые огурцы. Свежие, хрустящие, приправленные чесноком и мелко рубленным перцем — они были так хороши, что Цзычэнь почти не притрагивался к остальным блюдам, налегая на закуску.

Тётушка довольно улыбнулась, и в уголках её глаз собрались глубокие морщинки:

— Тебе так пришились по вкусу огурцы, паренёк Фан? Я вечером набрала целую корзину, возьми немного с собой, дома еще осталось.

Фан Цзычэнь не стал скромничать:

— Спасибо, тётушка Лю.

— Ну что ты, к чему эти церемонии!

Хозяйка была искренне рада, а дядя Лю, слыша их разговор, втайне перевел дух. Они знали, что Фан Цзычэнь до потери памяти был ученым, а теперь и вовсе работает в «Башне Пьяной Ночи», так что он явно не чета простым деревенским мужикам. Рядом с ним они невольно чувствовали скованность, опасаясь, что он может посмотреть на них свысока. Но его открытость и отсутствие лишней вежливости помогали им чувствовать себя спокойнее.

***

Вечером, когда они уже лежали в постели, Чжао-гэр переложил спящего Гуай-цзая к стенке. Видимо, между отцом и сыном существовала какая-то особая связь, потому что малыш, точно не отнятый от груди младенец, во сне так и норовил прижаться к Фан Цзычэню.

Цзычэнь не прогонял его, лишь тихо прошептал, посмеиваясь:

— Что такое? Неужто ты наконец решил покуситься на мою «невинную мужскую честь»?

Вспомнив о том, что творилось в доме Лю, Чжао-гэр легонько ударил его кулаком в плечо:

— И как тебе только совести хватает об этом говорить! А если бы нас заметили? Тебе совсем не было бы стыдно?

— Стыдно за что? — Цзычэнь мгновенно вошел в роль бесстыдника. — Разве тебе самому не понравилось? Разве это не было... волнующе?

Чжао-гэр густо покраснел. Фан Цзычэнь придвинулся ближе и, нежно коснувшись его щеки, проговорил низким, бархатным голосом:

— Отвечай, тебе понравилось?

Они лежали лицом друг к другу, так близко, что дыхание смешивалось. В глазах Цзычэня плясали искорки смеха, а взгляд был таким глубоким и нежным, что в нем можно было утонуть. От него пахло свежестью мыльного корня. Чжао-гэр отвел глаза и постарался выровнять дыхание, прикидываясь непонимающим:

— Не знаю, о чем ты говоришь.

— Ну, раз так, я всё понял, — Цзычэнь сделал вид, что отодвигается. — Больше не буду так делать.

Чжао-гэр поспешно схватил его за руку:

— Понравилось.

Его голос был едва слышен, и Фан Цзычэнь переспросил:

— А? Что ты сказал?

Чжао-гэр зажмурился, его ресницы мелко подрагивали:

— Я сказал... мне понравилось.

— Что? Не слышу.

— Мне понравилось!

— Повтори, а то я не разобрал ни слова.

Чжао-гэр открыл глаза и, увидев сияющую физиономию мужа, в сердцах снова ударил его:

— Ты нарочно издеваешься!

Цзычэнь перехватил его ладонь и запечатлел поцелуй на тыльной стороне. Пальцы Чжао-гэра невольно дрогнули.

— Опять руки порезал? — спросил Фан Цзычэнь.

Царапины остались после прополки. В этих краях никто не слышал о перчатках, и как бы осторожно ты ни работал, травм было не избежать. Старые и новые шрамы переплетались на ладонях, и Чжао-гэру стало неловко — он хотел спрятать руки, но муж держал их крепко.

— В следующий раз будь осторожнее, — нежно произнес он. — Каждая царапина на твоей руке — это рана в моем сердце.

Эта напыщенная, почти книжная фраза заставила Чжао-гэра улыбнуться:

— Они такие некрасивые.

— С чего ты взял? — возразил Фан Цзычэнь.

— Совсем не похожи на руки гэра, — грустно добавил супруг.

С этим Цзычэнь был категорически не согласен:

— Это кто тебе такую глупость сказал? И какими же тогда должны быть руки у гэра?

— Такими, как у тебя... — выпалил Чжао-гэр, не подумав.

Фан Цзычэнь на мгновение замер, хлопая глазами, а затем до него дошел смысл сказанного:

— Ты хочешь сказать, что я похож на гэра?

— Я вовсе не это имел в виду...

— Ладно, так и быть, разрешу тебе сегодня воспользоваться моим положением, — с этими словами он прижал ладонь супруга к своему животу.

Под пальцами Чжао-гэра оказались твердые, как камень, мышцы с четким рельефом — истинное телосложение взрослого мужчины. Он уже не раз касался его, но каждый раз это вызывало у него приступ смущения.

— У гэров разве бывает такое? — вкрадчиво спросил муж.

Чжао-гэр открыл рот, собираясь ответить, но Цзычэнь перебил его:

— А теперь дай-ка я покажу тебе свой самый убойный аргумент.

Чжао-гэр поначалу не понял, о чем речь, пока его ладонь не соприкоснулась с чем-то горячим, точно раскаленный железный прут.

В мгновение ока его лицо вспыхнуло, точно сухая трава в засуху. Весь его напускной покой испарился, он резко отдернул руку и спрятал её за спину, крепко сжав кулак так, что ногти на побелевших от давления пальцах впились в ладонь.

— Зачем... зачем ты дал мне это потрогать?!

— Ну и как, всё еще считаешь, что я похож на гэра? — вопросом на вопрос ответил он.

Его сердце тоже бешено колотилось — он впервые вел себя столь беспардонно. Стараясь сохранить лицо, Фан Цзычэнь убеждал себя, что для супругов вполне естественно ласкать друг

друга и вести откровенные беседы. Как только он сладил с собственной совестью, в нем снова проснулся прежний наглец:

— В конце концов, что в этом такого? Подумаешь, коснулся разок. Кто знает, может, тебе его еще и на вкус пробовать придется!

Чжао-гэр: «...»

«Ну как он может быть таким бесстыжим!»

— Прекрати... прекрати вести себя так нагло.

— Разве законные дела между мужем и мужем могут быть бесстыдством? — Цзычэнь с интересом разглядывал его пунцовое лицо и широко распахнутые глаза, в которых смешались гнев и смущение.

Он напоминал прилежного ученика, которого поймали за чтением запрещенных картинок. Цзычэню стало настолько весело, что он не удержался и коснулся его носа:

— Это называется страстью.

Чжао-гэр, окончательно потеряв терпение, изловчился и укусил его за руку. Было не больно, и муж лишь рассмеялся, продолжая подливать масла в огонь:

— Если ты такой смелый, кусай пониже!

Чжао-гэр: «...»

Если он останется в этой постели еще хоть на минуту, он точно не сдержится и побьет этого негодяя. Он рывком сел, собираясь переложить Гуай-цзая на прежнее место и лечь с краю, но Цзычэнь, тихо посмеиваясь, удержал его:

— Ладно, ладно, я пошутил. Ну и кожа у тебя тонкая, слова сказать нельзя. И это говорит человек, который в нашу первую ночь сам спросил: «Ты хочешь?»

Чжао-гэр: «...»

От стыда он готов был сквозь землю провалиться.

— Замолчи! — прикрикнул он, пытаясь изобразить гнев.

— Хорошо, молчу, молчу. Давай спать.

Чжао-гэр всё еще не мог окончательно успокоиться и напоследок больно ущипнул мужа за плечо. Его темные глаза мерцали в темноте, точно звезды.

— Завтра базарный день, — заговорил он уже серьезно. — Я хочу пойти с Чжоу-гэром, помочь ему продать овощи.

Фан Цзычэнь потирал ушибленное место, не решаясь больше остричь.

«Этот гэр точно перенял мастерство у матушки Жун — щиплется так, что искры из глаз».

— Хочешь — иди, — ответил он уже нормальным тоном. — Возьми с собой немного денег и не забудь купить себе чего-нибудь поесть в полдень. Не вздумай голодать.

Он знал, насколько экономным может быть Чжао-гэр: если не напомнить, тот пожалеет и медный грош на себя потратить.

— Хорошо, я понял.

Чжао-гэр прижался к его груди, устраиваясь поудобнее. Положив руку ему на талию, он замер, явно намереваясь так и уснуть.

Фан Цзычэнь: «...»

В разгар медового месяца близость с любимым была в радость, но спать вот так... кхм, это было испытанием для воли. Жар и томление не давали ему покоя, и он забылся сном лишь глубокой ночью.

А на рассвете Чжао-гэр уже был на ногах. Он сварил кашу на кухне и, прихватив заплечную корзину, вышел за порог.

<http://bllate.org/book/15357/1428889>